

ВЕЛИКИЕ ДЕТЕКТИВЫ



А. ВАЙНЕР, Г. ВАЙНЕР  
СТАНИСЛАВ ТИХОНОВ  
КНИГА ВТОРАЯ

ГЕОПРЕСС

# ВЕЛИКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Аркадий Вайнер · Георгий Вайнер

## СТАНИСЛАВ ТИХОНОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ  
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЦИКЛА  
В ТРЁХ КНИГАХ

Часы для мистера Келли  
Ощупью в полдень  
Я, следователь...  
Гонки по вертикали  
Визит к Минотавру  
Лекарство против страха  
Город принял!..  
Запещание Колумба

МОСКВА · 2022

Аркадий Вайнер · Георгий Вайнер

## СТАНИСЛАВ ТИХОНОВ

КНИГА ВТОРАЯ

ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ  
ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕОПРЕСС»

УДК 821.161.1  
ББК 84(2 Рос-Рус)6-44  
В14

Серия  
«ВЕЛИКИЕ ДЕТЕКТИВЫ»  
основана в 2021 году

Вайнер А. А.

Вайнер Г. А.

14

**СТАНИСЛАВ ТИХОНОВ:** Полное собрание произведений цикла в трёх книгах. Книга вторая: Гонки по вертикали; Визит к Минотавру: Романы. Иллюстрации А. Иткина, Н. Лавецкого, Г. Новожилова, П. Пинкисевича, И. Пчелко, А. Тамбовкина. — Москва: Геопресс, 2022. — 760 с. — (Серия «Великие детективы»).

Во вторую книгу полного собрания романов и повестей о Станиславе Павловиче Тихонове включены романы «Гонки по вертикали» (1971–1974) и «Визит к Минотавру» (1971–1972), в которых Тихонов действует в должности старшего инспектора Московского уголовного розыска.

В первом романе он вступает в единоборство с закоренелым вором-рецидивистом, которому чуть ли не ценой собственной жизни доказывает, что воровать нельзя, а во втором романе занимается раскрытием кражи бесценной скрипки работы Страдивари из квартиры всемирно известного скрипача-виртуоза.

Тесты произведений тщательно вычитаны и снабжены многочисленными иллюстрациями и пояснительными сносками. Текст романа «Гонки по вертикали» дополнен многочисленными фрагментами из журнальной публикации романа в «Огоньке» (1971), не вошедшими в книжное издание.

ГОНКИ  
ПО  
ВЕРТИКАЛИ

РОМАН





Я достал из кармана портсигар и держал его наготове, чтобы вклиниться между нами и подробным сказом всех деталей его «волнительного» говора.

— Ой, какая прелесть! Откуда у тебя такая шница?

— Это вещественное доказательство. Я хочу разобрать...

— Твое признание пострадало, если ты держал свой клюквенный ком футляре? За что тебе или награды?

Я посмотрел на него и вновь пожалел, что не сказал про клюкву.

было об этом рассказывать! Ну просто глупо! Я сказал:

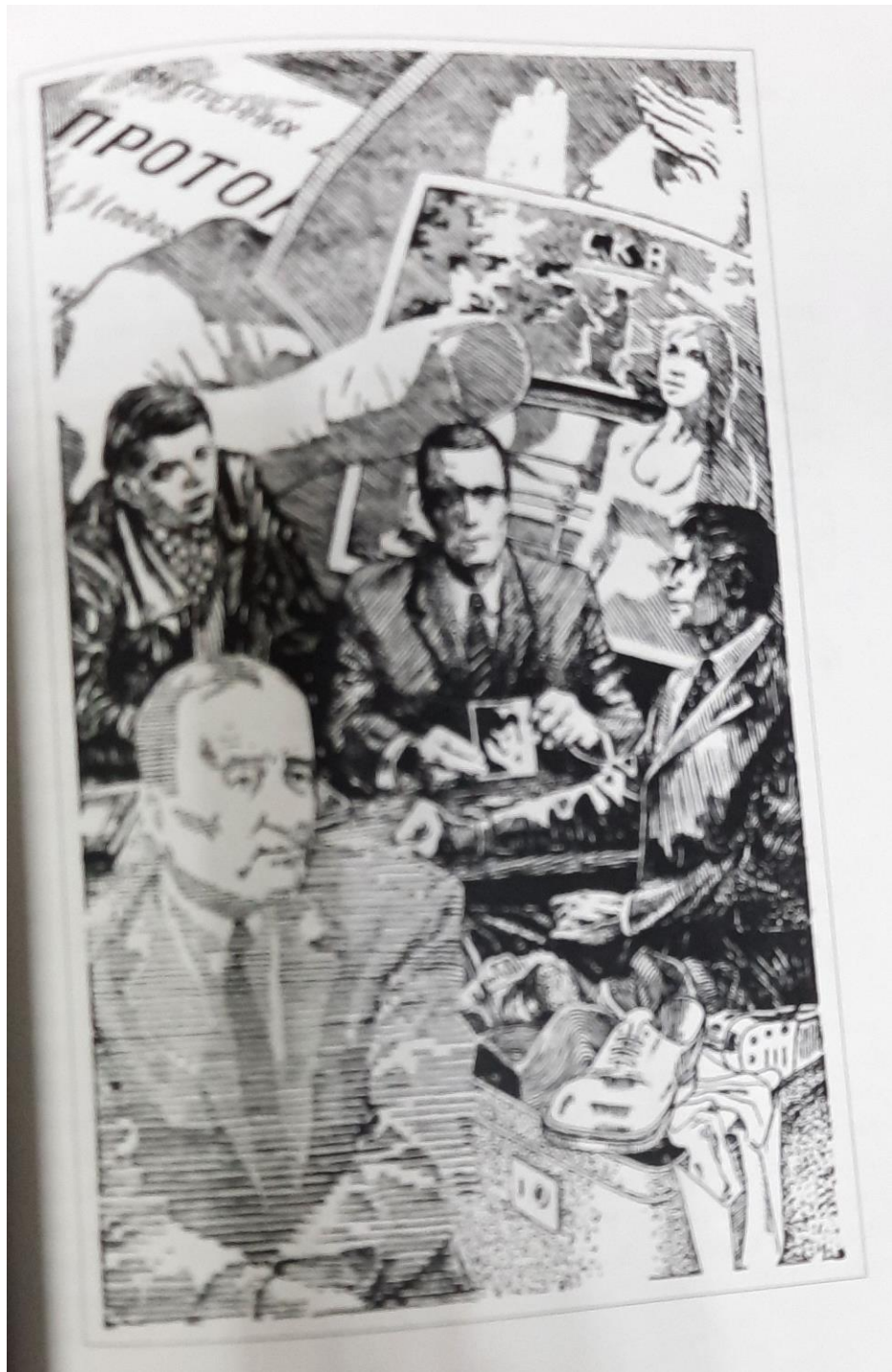
— Хорошо, я подумаю. Посмотри, пожалуйста, что это за штука на нижней крышке?

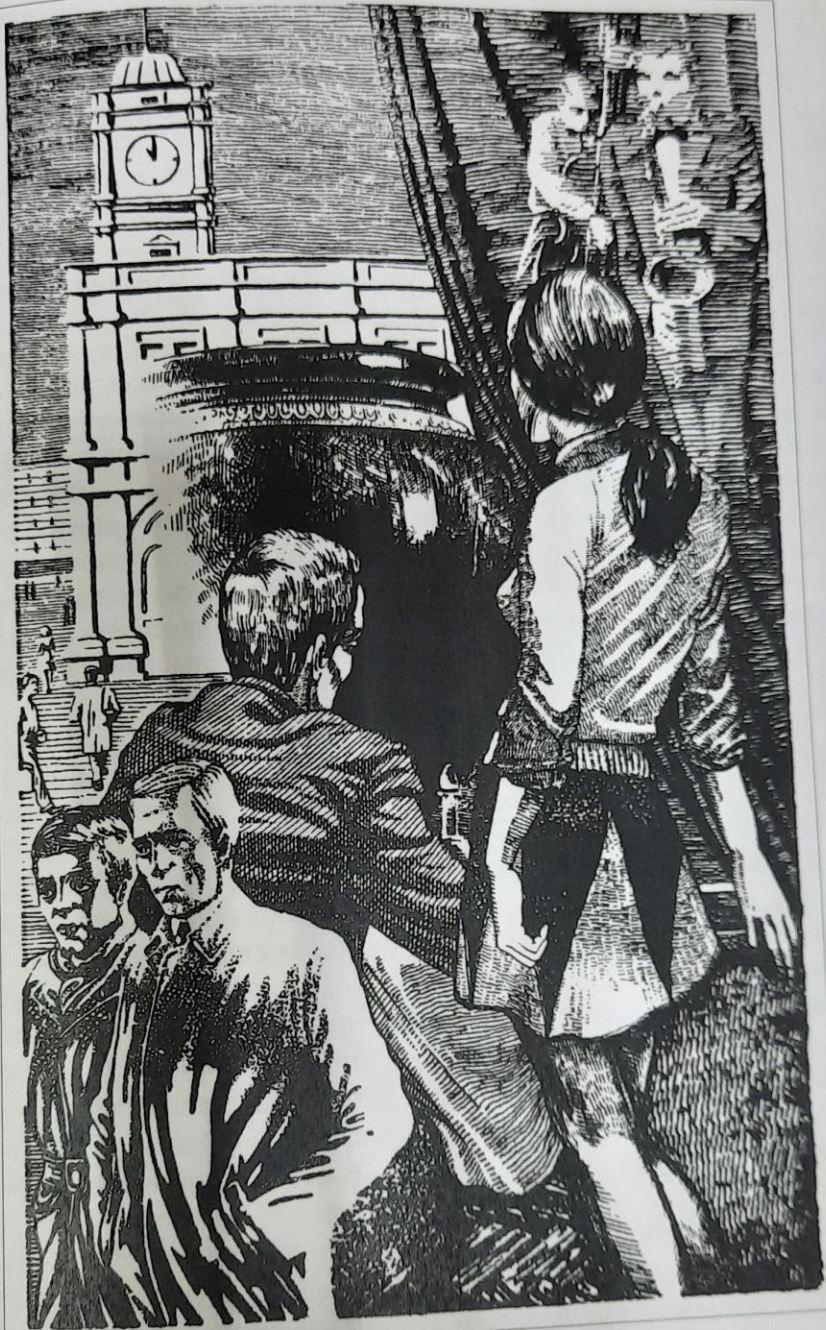
Мать, прищурясь, рассматривала нотные знаки на золотого клавира и длинным тонким пальцем отстукивала ритм на лирированной крышке стола, а я мучительно старался держать на этот тонкий нервный палец, потому что точные сухие тонкие пальцы, совсем не мужские, трепетные были у Вадика Петриченко, и уж, наверное, ничем, разном, не отличались они от рук Лю Ши-куня, которого я никогда не видел.

— Это токката Панчо Велкова...

— Что-что? — переспросил я.

— Есть прелестный болгарский композитор, — начал я, но объяснять мать...







— Эх ты, врунишка!  
Я тебе тысячу раз говорила, что ты не умеешь врать, лучше уж и не учишься. А кстати, как же ты на работе-то? Ведь тебе, наверное, надо уметь ловко обманывать своих жуликов...

— Нет, они мне и так верят, — усмехнулся я.

— Но если им говорить всю правду, то ты ведь и не докажешь, что они жулики, — удивилась она.

— Я могу просто не говорить им всю правду, — пожал я плечами, — я ведь могу о чём-то просто не говорить.

Мы чокнулись, и я первый раз взглянул ей в лицо, и, как всегда во все эти долгие годы, ёкнуло сердце, потому что если бы я верил в Бога, то подумал бы, что это лицо — крест моих человеческих исканий, вечной неутолённости, приговор пожизненного подчинения человеку, которому всё это совсем не нужно. Не виделись мы больше полугода, но она совсем не изменилась, как, в общем-то, не изменялась за те десять лет, что я знал её. Может быть, я совсем не способен оценивать её объективно, но мне кажется, будто и сейчас ей нельзя дать больше двадцати-двадцати двух лет, хотя ей столько же, сколько мне.

— А за что мы будем пить? — спросила она.

— За что хочешь. Это не имеет значения. Вообще всё это не имеет значения.





Я смотрел Сашке вслед, на его прямую, твёрдую спину в узеньком коротком пальто — крепкий спортивный мальчишка, и испытывал чувство обиды и досады, как ребёнок, дважды отказавшийся за столом от любимого блюда, а теперь блюдо уже унесли на кухню и нельзя сказать: «Я передумал, дайте мне тоже кусочек», — потому что предлагали-то от всего сердца, и никому не объяснишь, из-за чего находит на тебя застенчивое упрямство, заставляющее говорить, и делать глупости. Хотя в глубине души я и сам понимал, что от того блюда, которого мне сейчас больше всего хотелось, которое мне так было нужно, не отрежешь кусочка на долю гостя.

Ангел подмигнул мне, шепнув: «Поговорить успеем». Он вернулся за стол, достал из портфеля большой лист бумаги, и я понял, что это оперативная схема.

— ...Шайка располагала скоростными машинами — за несколько часов они могли пересечь всю страну, — сказал Ангел. — Это и осложнило на первых порах следствие. Ведь, говоря откровенно, никому и в голову сначала не пришло, что дерзкие кражи и мошенничества, совершаемые почти одновременно в разных городах страны, дело рук одной шайки...

— Ангел показал нам схему, на которой разноцветными условными значками были помечены преступления в Софии, Пловдиве, Русе, Варне, Плевене и многих других городах.

— Вас легко понять, — сказал, разглядывая схему, Кравченко. — Насколько я помню, в республике никогда подобных шаяк не было.

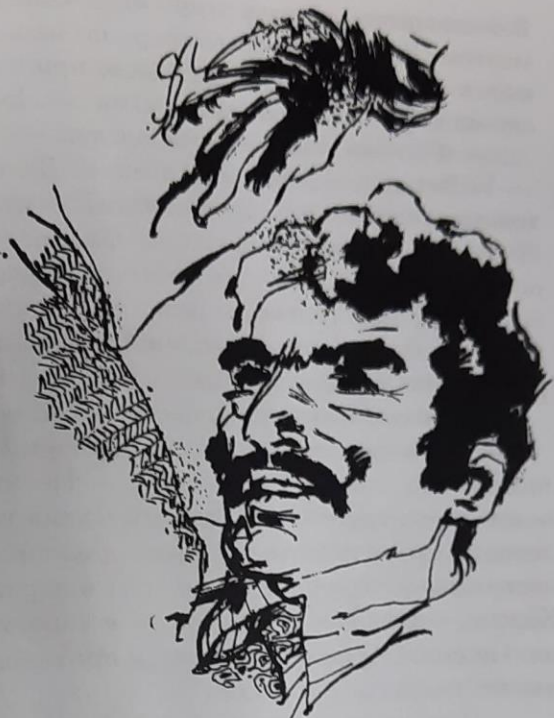
Ангел кивнул, а начальник МУРа заметил завистливо:

— У них оперативная обстановка круглый год как на курорте — благодать!

— Ну вот, эта компания и показала нам «курорт», — повернулся к нему Ангел. — Размах и дерзость преступлений потребовали вмешательства министерства, и только тогда мы обратили внимание на их сходство. Одинаковый «почерк», так сказать...

— А в чём, простите?... — любопытствовал Шаратов.

— В дерзости. В ловкости, — глаза Ангела заблестели. — В методах. Вот смотрите... — Он развернул следующую схему. —



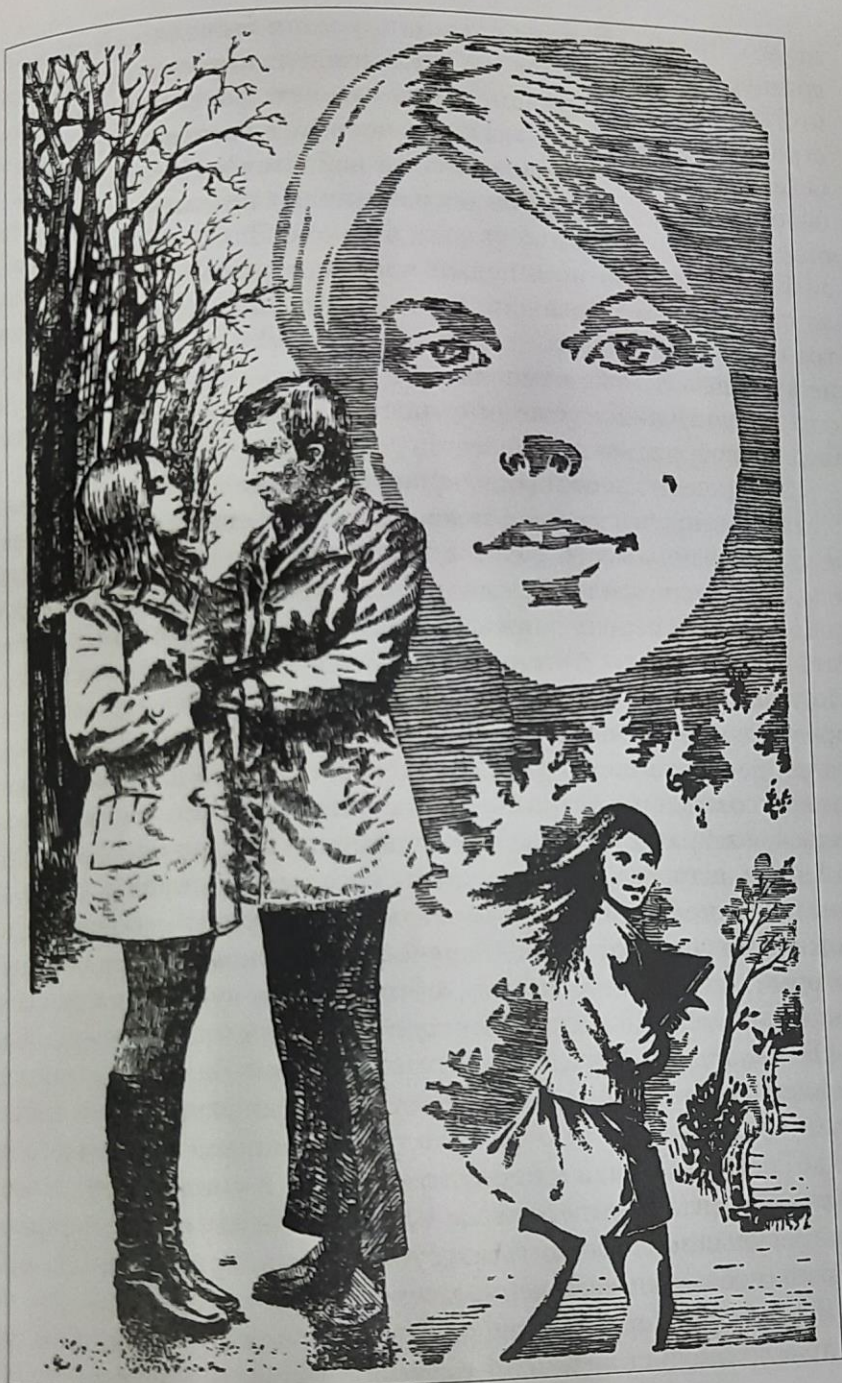
не уходила, а я, распахнув пальто, грел её у себя на груди, она сказала: «Мы завтра же утром увидимся», — но завтра уже было так же невозможно, как обежать её ещё раз, поцеловать лицом к её волосам, и пахли они чем-то треть экватора. Я прижал её к себе, и в это мгновение для меня не существовало ни снега, ни снежниками, и потому что весь мир был во мне, потому что прилетела солнечная птица счастья — ведь парень-неудачник вышел из кино и выкинул мой счастливый седьмой, некупленный билет, и я был не готов к встрече со счастьем...

Потом, наверное, уже под утро, щёлкнул за Леной замок, я, и я ещё долго стоял в сонной неподвижной тишине, на пыльной тёплой лестнице, пока не сообразил: Лена ушла.



шел на улицу, небо было померк, небо было звезд, надсадно гулко шоссе самосвали. Я минутно оступаясь в рый закипавший снег раскачивало, шатало стороны, потому что дость была больше неё хватило бы, чтобы нять дирижабль, а я был готов к встрече с тьем.

Автобусы не ходили, долго стоял на приподнявшем рассветном небе пока меня подсадил попутного «МАЗ». Стрельного гула мотора, приятного запаха машинного масла меня разбудило, и я задремал. У шофёр резко тормозил, я проснулся в истерике.



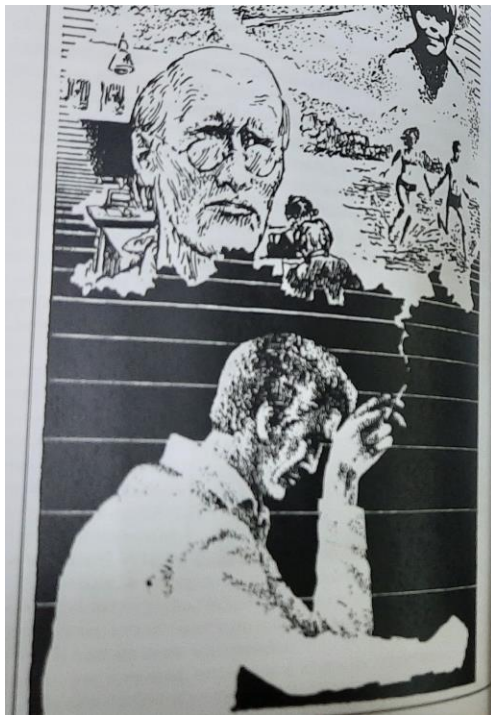


Это кошка. Не сторож, не милиционер. Просто бродячая помощничная кошка. Долго стоял я ещё неподвижно, утишая бой враз ожившего, подпрыгнувшего, судорожно забившегося, но всё же отравленного страхом сердца. Я слышал, как оно билось, как испуганно-счастливо дышало оно.

— Брысь! — сказал я ей шёпотом. То ли кошка не привыкла, чтобы на неё брыскали, то ли чувствовала эта проклятая котяра, что нечего ей бояться — прав у неё здесь не меньше, чем у меня, но только не подумала она убежать, и сейчас, пообвыкнув, я отчётливо различал в темноте её острый, настороженный силуэт на крышке мусорного бака.

Осторожненько развернулся я на ящике, снова подвёл ключ к головке болта и быстро согнал его. Ключ бросил в сумку и, держась одной рукой за решётку, расстегнул и стащил с себя брючный ремень. Пришлось надуть изо всех сил брюхо, чтобы не свалились портки, держать-то мне их было нечем. Один конец ремня я подвязал коротким морским узлом к крыльчатке вентилятора, а другой перекинул на поперечину решётки — мне сейчас грохот от упавшего вентилятора был ни к чему. Достал кусачки и аккуратно перекусил провода. Вот и всё — вытащил болты и стал потихоньку выталкивать вентилятор из гнезда. Ещё раз потрогал







— Господи, молодой какой! Мальчик...

— Бандит проклятый!..

— Что же это делается, люди добрые...

Не доходили до меня никакие слова, потому что я всё время смотрел на лежащего в грязи Тихонова. И у мёртвого, лицо у него было удивлённо-сердитое. Кровь и грязь уже спеклись на щеках. И глаза были открыты. Дождь стекал по его лицу круглыми каплями. И только сейчас я понял, что это я — я, я — убил его.

Лицо у него было, как у моего сына, неродившегося сына, в том страшном вещем сне.

Боже мой, что я сделал? Это же ведь не Тихонов вовсе, окровавленный, растерзанный, валяется под дождём на мостовой.

Это я свою собственную жизнь растоптал и растерзал. Вот и открылись передо мной все семь жилищ осуждённого судьбой...



ГЛАВА • 41

СТАНИСЛАВ ТИХОНОВ

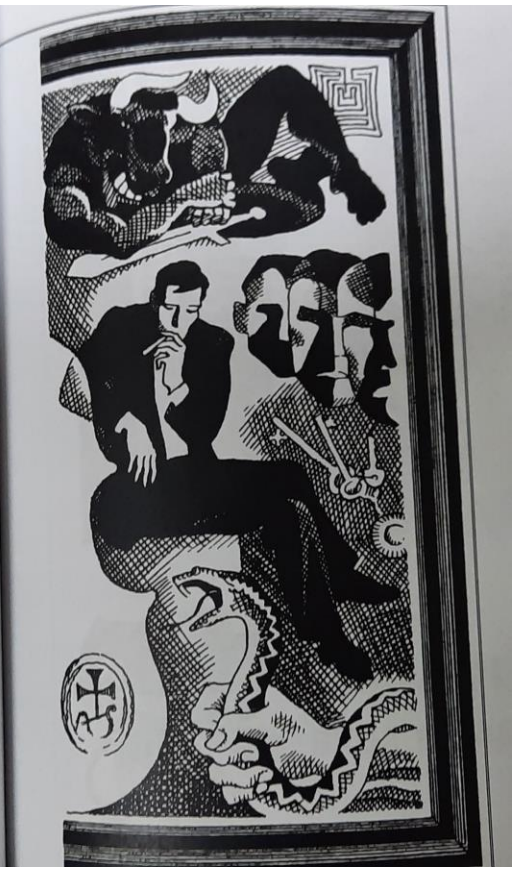
Яркий свет операционной лампы. Боль. Холод. Беспмятство. Всё плывёт, качается, и времени не существует, я нырнул в него, пробив тонкую плёнку сна, как дрессированный тигр рвёт в цирке

**ВИЗИТ**

**К**

**МИНОТАВРУ**

РОМАН





**КНИГА ПЕРВАЯ**  
**ВХОД В ЛАБИРИНТ**



Антонио осторожно вынимает ковш из воды, медленно несёт к верстаку. Отчётливо звякают об пол капли, срываясь с округлого фронтона ковша. Ковш установлен на верстаке, и Антонио ощущает тонкий прозябательный звон уходящего напряжения в каждой клеточке своих обожжённых...



— Я такой лак сварил впервые, когда мне было сорок три. Но это не тот лак. Он только может сохранить скрипку навеки и подарить ей необычайную красоту. Настоящий лак заставит её неповторимо звучать. Этого не может.

В мастерской снова стало очень тихо, и шорохом камешков в воде прозвучали слова Антонио:

— Как же это так?..

Глазки Амати совсем исчезли в жирных складках-щёлочках.

Найти сам. Тогда, может

как вы не смущайтесь, вы меня спрашиваете, а ведь заветная мечта — это только возможность, если вы не попользовались!



Он вздохнул сокрушённым, лёгким человеческой выносливостью и будничным. Я начинаю мекнуть:

— Вот я как раз из-за вашей и пришёл сюда. Вы слышали от квартиры Полякова кому-нибудь! По доброту думайте на время попользоваться!

Обольников смотрел на него внимательно, и ничто в его лице не дрогнуло, будто он не слышал или был готов к этому вопросу. Он только выткнулся ещё больше, глаза за стали такими же, какими когда-то смотрел на Константина.

— Это мне как же надо понимать ваши слова, гражданин хороший? — спросил он медленно, и услышал, что в его скляном, что по своему голосе появились звенящие стальные ноты. Он уже не слышался клемяными дилеммами — занял атакующую боевую позицию. Хрящеватый товняк нос пошёл в носздрей, и на мгновение ему показалось, будто это и не был человек.

а острый — копьём — клюв, тукнет раз — и разлетится голова тонкими яичными скорлупками.

— Вот как спросил, так и понимать — буквально! Вы кому-нибудь ключи от квартиры Полякова давали! — спросил я холодно и, ещё не докончив фразы, увидел, как боксёр, не успевший вернуться в стойку, что Обольников ринулся в атаку.

— А вы так думаете, что сумели мне в нос свою книжечку красную — и любое беззаконие вам дозволено? Ну, это уж вы погодите! Являйтесь в лечебницу к человеку больному, которому и жить-то неизвестно сколько осталось, и начинайте фигурировать правами своими, допросы мне оскорбительные учинять?

В этот момент я понял, что Обольников имеет какое-то отношение ко всей этой истории. Существуют строго определённые закономерности разговора дознавателя и допрашиваемого, и Обольников их сразу нарушил. Не дождавсь очередных моих вопросов, он высказал возмущение по поводу факта, который мы ещё не обсуждали, и он не мог быть ему известен. И от этого я сразу успокоился. Я сел на скамейку и сказал ему:

— Ну-ну! Я вас слушаю дальше...

Обольников прижал руки к лицу и горестным шёпотом сказал:

— Вы сами-то понимаете, что вам делают на службе, когда узнают, что вы здесь с большим человеком вытворяете?

Я посмотрел на часы:





Антонио молчал.

— Ну! — крикнул Амати.

— Три — ноль, три — один, три — один, три — три, — стал быстро перечислять цифры Антонио, их было много, этих цифр. — Три — семнадцать... три — двадцать один...

Амати открыл шкафчик, налил в оловянную кружку палермского белого вина, залпом выпил, и Антонио видел, как несколько капель чёрными точками пали на кружева его сорочки.

— Если бы мне не жаль было дерева, я велел бы сделать тебе скрипку по этому промеру. Может, у тебя купил бы её за несколько байджи бродячий музыкант...

— Почему, учитель? Я взял вашу «Анжелу» как образец!

Старый Никколо снова захохотал:



И к  
чащее  
там, гд  
кая вен  
ли им  
всё вр  
ка зву  
сказал  
сил см  
и в зал  
слава  
Н  
вари,  
была  
парин  
чувст  
как м  
ужин  
имел  
граф  
С  
почу  
из д



Королева улыбалась ласковой чистенькой старушечьей улыбкой, и трещины расколовшего стекла нанесли на её лицо морщинки доброты и лёгкой скорби. Портрет валялся на полу, и с того места, где стоял я, казалось, будто её величество запрокинули голову, внимательно рассматривая красное осеннее солнце, недвижимо повисшее в восточном окне гостиной.

— Девять часов шестнадцать минут, — сказал эксперт Халецкий.

— Что? — переспросил я.

— За восемь минут, говорю, доехали.

— Ну, слава богу, — я ухмыльнулся. — Задержись мы ещё на две минуты, и тогда делу конец...

Эксперт покосился на меня, хотел что-то сказать, но на всякий случай промолчал. Мы стояли в просторной прихожей, в дверях гостиной, не спеша оглядывая разгром и беспорядок в комнате,





бешено, судорожными рвущимися ударами колотит у него сердце, и в этом истерическом, жутком бое был нечеловеческий страх, и в этот момент Никодимов стал мне противен, как взбесившийся волк.

— Руки вперёд! — Я захлопнул у него на запястье наручники и, тяжело вздохнув, смахнул со лба каплю пота. — Теперь всё...

Никод  
— Вы  
В «Арагате  
но, повезё  
встречать  
Никод  
и расстегн  
пачечка га  
— Где  
Никод  
душенным  
— Тов  
какой скр  
на недел  
ничего. О  
Вот тольк  
граждане  
Он ни  
то жалост  
делать. Я  
вого сала  
В нём лез  
нулась бе  
— Гд  
— Да  
мов. — Я  
сами уви  
детям во  
такая на  
— Че  
трубку т  
— М  
зала Лав  
Я по  
пать му  
тала она  
дое. На  
находок

и медленно выгребал пригоршни муки вокруг продолговатого плоского свёртка. Потом я потихоньку потянул свёрток и он плавно выскользнул из муки. Я потряс его легонько, встал и вышел из клуба белой мучной пыли. Потом стянул целлофановую пленку с предмета, в котором лежал обернутый байкой предмет. Через ткань чувствовал прихотливо изогнутую поверхность скрипки. Пальцы онемели, одеревенели, стали непослушными, они дёргали, сучили полотняные ленточки, а узел всё равно не расплелся и тогда я зубами рванул тесьму, и ткань с треском лопнула.

Замирающий свет зимнего предвечерья туго плеснул на пол красной полированной деки, в печке стрельнуло поленом, и



тонко задрожала струна. Струны ощутили ласку резкого движения, изящно разведённых боковых прорези, и сверху была видна надпись на скрипке «Santa Maria, Magdalene Stradivarius. Faciebat 1722» и рядом — шотландский крест.

Я прижал скрипку к плечу и сказал Лавровой:

— Эх, Леночка, жаль, что нет смычка!

Она засмеялась:

— А то бы сыграли?

— А что? Сейчас, чем слово, смог бы! Поляк завидовал!

Лаврова взяла из моего чемодана скрипку, посмотрела на неё, и погладила верхнюю крышку нежно, как ребёнка по голове, потом снова засмеялась и вышла из зала:

— Всё-таки лучше не играть. Пусть каждый занимается своим делом.



И пошёл Гварнери по дороге, играя на скрипке, и никто его не удер­живал, и никто не кричал обидных слов.

Маленький, сгорбленный, с огромной головой, шёл он по дороге и играл для себя, для всех. Будто магической силой своего заколдованного инструмента вызывал из жарва будущего тех людей, для кого он прожил свою тягостную и светлую жизнь. Ни на кого он не сердился, ни на что не досадовал, ибо постиг всем существом своим, что гений — это доб­рая мудрость сердца. Не нужно ему богатства, поскольку нет большего богатства, чем радость трудного свершения. Не нужны ему почести, по­скольку сам судит себя за достойное, а постыдно не совершит. Только любовь нужна гению для счастья да немножко человеческой благодар­ности. Пусть хоть через век...

— Я тебя понимаю, — сказал комиссар. — Но он вор. И оттого, что истекли сроки давности по старому производству, он преступ­ником быть не может.



— Трудно сказать. Мы ведь выросли на соседних улицах — могли быть товарищами.

— Он бы тебя обязательно предал, кабы товарищами стали.

— А может, всё сложилось бы по-другому?

Комиссар покачал головой:

— Диалектику поведения определяют наши поступки. Он ведь не демон, а обычный человек. Он нёс в себе груз тяжкого пре­ступления, в котором не раскаялся. И в каждой острой ситуации инстинкт самосохранения был бы всё сильнее, а совесть всё тише... и створчивее.

о... очень умный, одарённый в торь-



— Тогда объясни хотя бы, — недовольно сказал Леонидов.

— Так мне и объяснять нечего. Я только думаю, что если бы он хотел продемонстрировать своё алиби, то не стал бы ложиться спать спозаранку...

— Во-первых, не такой уж спозаранок, время для него, чтобы спать, вполне подходящее.

— Это для тебя, — желчно сказал я. — Для человека, уставшего после трудового дня и совсем не заботящегося о том, чтобы зафиксировать своё алиби...

— Ну, устал-то он не меньше меня. И потом — что же ему было делать для этого? — засмеялся Леонидов. — В милиции зарегистрироваться, что ли?

— Хотя бы, — серьёзно ответил я. — Ты ведь не знаешь этого парня, а я думаю, что если бы ему надо было подчеркнуть своё

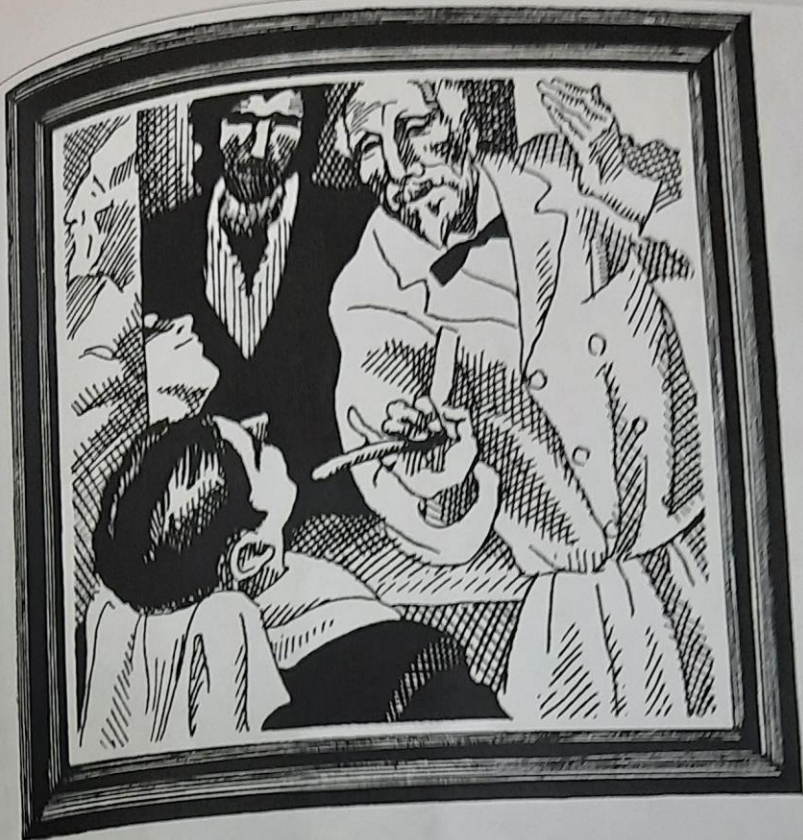
раз до этого рассматривал его красиво прорезанные умные глаза с тяжёлым ироничным прищуром чуть синеватых век. Чужие были глаза у него в это мгновение, будто впопыхах, собираясь на маскарад, он нацепил полумаску, скрывшую лицо, и остались только две узкие прорези, в которых метались сумасшедшие зрачки человека, обещавшего от тоски, ужаса, бессилия. Как будто не Мельник, раздавленный, почти мёртвый от жадности, почти и горя старик, а кляцающий зубами Минотавр изготовился для прыжка со стула с жестианой инвентарной биркой ХОЗУ — такие глаза были у Белаша, и я не слышал ничего, я просто оглох на эти секунды остановившегося времени, потому что в голове гремел, постепенно затихая, усталый, тусклый голос Белаша — «...плотью живой он в живую могилу уходит...» И протянутая мне рука — тонкая, с длинными сильными пальцами, покрасневшими от мороза, — тряслась.

Всё это длилось две, ну от силы три секунды, потому что Белаш оторвал наконец непослушные, живущие отдельной жизнью глаза от Мельника и, мучительно разорвав в улыбке рот, сказал мне:

— Холод сегодня на дворе ужасный...

— Да, холодно. Вы знаете этого человека, Григорий Петрович?





**КНИГА ВТОРАЯ**  
**ПРАВДУ УМОМ ИЩУТ...**

